

АНАТОЛИЙ СТАНОВИТСЯ НА НОГИ

Дорогое издательство!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: отправьте, пожалуйста, это письмо Валентине Ионовне Туренской, писательнице, автору книги «Крутая радуга». Я не знаю ее адреса, а потому обращаюсь к вам.

24/IV—1962 г.

АНАТОЛИЙ КОХАН.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

23 апреля 1962 года.

Здравствуйте, Валентина Ионовна!

Не знаю, с чего начать свое письмо. Наверное, начну по порядку. Мне очень понравилась Ваша книга «Крутая радуга». В ней нет ничего выдуманного — все справедливо и правильно. Я бы хотел, чтобы вся наша молодежь была такой, как Таня Лагутина, в том числе и я. Ваша книга подняла настроение, мне даже захотелось снова жить.

Сейчас я нахожусь в глухой тайге на лесоразработках — отбываю меру наказания.

Я — заключенный. Да, как ни больно, ни обидно, а я заключенный уголовник. Заключенный, но не паразит: и здесь я работаю. Строим железную дорогу и погрузочные площадки для вывоза леса. Работаю мастером подготовительных работ.

До ареста я жил и работал в Таганроге. Был у меня хороший товарищ. Вернее, он и сейчас есть, но мы далеко друг от друга. Товарищ работал на заводе и учился в машиностроительном техникуме на пятом курсе вечернего отделения. Все мечтал закончить техникум и поехать в свою родную станицу, в колхоз механиком.

Мне двадцать два года, родился на Украине.

Там и сейчас живут мои старики — отец и мама. Работал электросварщиком и тоже учился на первом курсе вечернего строительного техникума. Меня уже приняли кандидатом в члены КПСС.

Но недолго нам пришлось учиться, работать, стремиться к своим мечтам.

Не подумайте, что мы шныряли по жизни мелкими жуликами. Нет, работали мы честно. Нас много раз премировали и награждали грамотами. В том году нас обоих избрали делегатами областной профсоюзной конференции.

И вот с нами случилось несчастье.

Как большинство молодых рабочих, жили мы в общежитии. Порядка там было мало и часто случались пропажи вещей. Мер против этого никто не принимал. Надо признаться, что и нас это мало интересовало — не у нас пропадало. Да и свободного времени было мало: сразу после работы шли на занятия в техникумы, а потом надо готовить задания.

Так и шли дни. Только в один из таких дней, придя с работы, мы не обнаружили своих вещей — все украли, переодеться не во что. Мы обращались к коменданту, в милицию, и все безрезультатно. Начальник милиции сказал: «Общежитие есть общежитие, кто вас там разберет, кто у кого что украл». Нам самим случайно удалось обнаружить свои вещи и узнать, кто их украл. Вор жил

с нами рядом. Часть вещей, которые не были еще пропиты, мы отобрали и опять обратились в милицию. Начальник пообещал «принять меры», но проходило время, меры не принимались, и вор продолжал свои грязные дела.

14 октября 1960 года мы получили повестки в армию. По этому поводу, как повелось, выпили водки. Тут и случилась беда. Как назло, мы случайно повстречались с вором и его дружкой. Конечно, произошла драка. Мы с товарищем не слабосильные, и драка получилась жестокая. Не хочу об этом деле даже писать. В общем, пьяные, мы хотели установить справедливость, да, видно, не так, как надо.

Своей вины мы не отрицаем, но не так мы виноваты, как строго нас осудили. Мы хоть и пьяные были, а хотели по справедливости — ведь милиция никаких мер не принимала, а от воров страдали все. Тяжело и страшно мы пережили два месяца в тюрьме. Суд подошел к нашему делу, как к обычной пьяной драке, и мы ничего доказать не могли. Определили нам по три года лишения свободы. Мы надеялись на помощь наших товарищей, с которыми вместе работали, а они сидели на суде и отводили от нас глаза.

Отвернулась от меня и девушка, с которой я дружил три года. Мало, что дружил, — мы договорились зарегистрироваться, но не могли пока — не было квартиры. А ведь я ей верил, любил всей душой.

Никто не подал мне тогда руки, никто не помог вылезти из грязи. Я остался один. Куда же делись друзья? Вину свою я понимаю. Но было страшно обидно, что никто не поинтересовался, что я за человек, как жил и как попал под суд?

Через год и шесть месяцев я вернусь на свободу. А кто меня ждет? И что меня ждет? Не ждет меня судья, что дал три года. Он давно забыл обо мне: разве я человек — уголовник, каких у него много бывает.

Я молод, а веры мне больше не будет, знаю — многие даже презирать меня будут. А за что? Ведь я никогда ни у кого ничего не украл. Презирать за то, что

я избил вора? Ведь я хотел жить, учиться, работать, иметь свою семью, товарищей.

Теперь на всю жизнь легло на меня несмываемое черное пятно. Как мне жить после этого? Мне хочется работать, но все валится из рук. Временами подступает к горлу комок, и хочется зареветь, как маленькому. Тяжело мне, и жить временами не хочется.

Очень мне понравилась героиня вашей книги Таня Лагутина — она смело боролась за свое счастье. И мне почему-то показалось, что это Вы о себе писали: нельзя так написать, чтобы самой не пережить всего этого. Поэтому мне захотелось именно Вам выложить все свое горе.

И мне стало легче, когда все Вам написал. Если сможете, напишите мне ответ — я буду очень рад.

С приветом Анатолий Кохан.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

2 ноября 1962 года.

Валентина Ионовна!

Вот уже больше семи месяцев прошло с того времени, как получил Ваше письмо, а ответа не написал. И сам не знаю, почему. Я никому не писал писем. Товарищам и подруге своей я ничего не писал и писать не буду. Не один день я с ними жил и работал, а в трудную минуту не нужен стал. А девушке, самому близкому мне человеку, тем более никогда не напишу: она обо мне забыла, и я ее забыл совсем, навсегда.

Работаю я на старом месте. Очень тяжело быть мастером с этими людьми. Ведь тут большинство имеет срок 10 — 15 лет. Многие из них очень трудные люди. Конечно, есть и хорошие. Но есть и такие, что работать не хотят, только делают вид, а требуют, чтобы в нарядах я написал что им надо. На каждом шагу толкают на преступления.

Как мне только становится нестерпимо тяжело, беру Ваше письмо, перечитываю, и делается легче на душе. Спасибо Вам за советы и добрые слова, но плохо у меня получается. Я хотел и бороться, но мало нашел поддержки.

Осталось мне десять с половиной

месяцев. Истосковался я по свободе — терпенья не хватает. А время летит все-таки быстро — особенно, когда много работаешь.

Летом здесь было очень красиво. Ягод много, цветов, грибов целые поляны находил. Кажется, такой суровый край, что ничего хорошего здесь не может быть, а красиво. Летом без ватника не выйдешь, а цветы цветут. Иду по тайте и удивляюсь — как гриб мог на сосну попасть? Оказывается, его белочка сушить повесила.

Сейчас выпал снег, но морозы стоят небольшие. Ели и сосны стоят убранные инеем — совсем как в сказке. А мы все дальше и дальше продвигаемся в тайгу, — кажется, ей и конца никогда не будет. Вагон за вагоном отправляем, как мы говорим, «на большую землю». Душа радуется, когда паровоз впервые пройдет по новому участку дороги и когда первый сцеп погрузим.

На работе все идет хорошо, а как заходишь в зону и за тобой закрываются тяжелые железные ворота, сразу становится непереносимо тяжело. Но я успокаиваю себя тем, что уже меньше половины осталось здесь быть. Советы Ваши я принял и добьюсь в своей жизни хорошего — я же не потерянный человек — найду свою тропинку, с которой перейду на широкую дорогу.

Желаю Вам здоровья и успехов в работе.

С приветом Анатолий Кохан.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

16 января 1963 года.

Валентина Иеновна, дорогая! 1963 год — мой год! В этом году я вернусь на свободу. Осталось девять месяцев без двух дней, но дни начали тянуться необыкновенно медленно.

Спасибо за новогоднее поздравление. Я рад, что здоровье Ваше улучшается. Не сразу ответил на Ваше письмо не потому, что не было времени, а не хочу надоедать своими письмами. Ведь Вы болеете и все-таки работаете. Пишу Вам, как матери. Напишу письмо, жду ответа, и время идет веселее.

У нас сейчас зима идет полным ходом: морозы —30—40 градусов и больше. Но они не страшны. Работа у нас, как Вы знаете, такая, что «шустрить» надо, как здесь говорят. На одном месте засиживаться не приходится — от бригады к бригаде, все время на ногах. Снегу много, а валенки и полушубок греют хорошо, даже жарко, когда бежишь на лыжах.

Мороз —45 градусов, а ветра совсем нету, даже не шелхнет ни одна ветка. Только треск все время в лесу — деревья от мороза лопаются.

И бригады работают хорошо — люди не боятся мороза. У нас есть одна бригада, сроки у всех большие, а работают хорошо. Когда нет работы, они ругаются даже из-за этого. Они у нас на пришивке рельс. На морозе костыли прилипают к рукам, шпалы лопаются, а они работают и работают. И денег зарабатывают много — родным высылают в помощь. Вы знаете, с такими и работать хочется.

И вообще я понял, что работа делает человека человеком. Вот был такой случай. Паровоз работал на маневрах — выводил груженные сцепы. Я снял его с этой работы: надо было подать рельсы под пришивку. Машинист не проверил вовремя воду в тендере, и она кончилась — не качают инжекторы. Хватились, но уже поздно: до водогона десять километров. Нужно тушить паровоз, а потушить — значит ждать другой паровоз со станции, до которой сорок километров. Наступает вечер, мороз крепчает. В лесу столько людей — намерзли за день — надо отвести в зону. И вот, не обращая внимания, что котел может взорваться, машинист не тушит топку, а ведет состав до водогона. На манометре пара много, ревет пламя в топке, а вода все уходит и уходит с показательного стекла. Машина мчится быстро — в любое время может опрокинуться. Морозный ветер обжигает лицо. Вода под стеклом скрылась совсем. Воды больше нету, а до водогона осталось еще километра два. Машинист убрал руку с регулятора. Состав летит под уклон по инерции. Из топки начинает выбивать жар. Он обжигает руки, но никто не

обращает на это внимания. Холодный пот пробивает. Ведь рискуем машиной, рискуем людьми. Но оставь их в лесу — померзнут.

Но вот и водогон. Резкий тормоз, паровоз юзит по рельсам. На ходу заправляем шланг. Пошла вода, качают инжекторы. В топку закладываем дрова. Машина начала дышать. И всем стало весело, все засмеялись. Несмотря что обожженные руки болят, всем как-то очень радостно. Вот так у нас бывает, и очень часто.

На этом письмо заканчиваю. Желаю Вам в новом году хорошего здоровья и больших успехов в-работе.

С приветом Анатолий Кожан.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

8 мая 1963 года.

Валентина Ионовна!

Большое Вам спасибо за добрые пожелания. Извините, что не поздравил Вас с праздником. Даже маму не поздравил. Наверное, ленивый стал. Простите меня.

У нас здесь тоже весна. Снег растаял, но еще холодно. У меня теперь есть хорошие товарищи. В зоне мы посадили цветы, каждый день поливаем их — у нас есть домашнее занятие, и это радует.

Теперь я работаю электросварщиком в ремонтных мастерских, не убегаю и от слесарной работы. В мастерских я подружился с хлопцами.

Вы просто как мать интересуетесь мною и спрашиваете, не нужна ли помощь. Нет, большое Вам спасибо. Ведь я здоровый и молодой, у меня есть хорошие специальности — на работу я сразу устроюсь. Выеду отсюда 17 октября. Заеду в Таганрог и оформлю документы, устроюсь на работу и съезжу на родину: уж очень соскучился по родным местам, а особенно по родителям. Обязательно буду учиться в строительном техникуме — хочу строить дома, порты, тоннели. Вот тянет нас все куда-то, все за приключений ищем и находим, только кто какие.

Очень хочется скорее на свободу. Ничего — придет мой час. Я уже денег

насобирал 150 рублей и еще рублей 50 заработаю.

Валентина Ионовна, Вы даже не представляете, сколько веры и силы вселяют в меня Ваши письма. Пробежишь их глазами, кажется, все просто, а когда читаешь с душой — сколько в них материнского чувства и тревоги за мою судьбу. Я Вас никогда не забуду, хоть я и плохой человек. Физически больная женщина и находит силы помогать другим!

Валентина Ионовна, может, у Вас есть нужда в деньгах: ведь Вы лечитесь и у Вас большие расходы — напишите мне — я помогу Вам хоть немного. Извините меня за нескромность, но такой уж я есть.

Желаю Вам хорошего здоровья. Скорее поправляйтесь!

С приветом Анатолий К.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

2 июля 1963 года.

Валентина Ионовна, здравствуйте!

Все идет хорошо. Проходит день за днем, и все ближе освобождение. Мне даже не верится, что через несколько месяцев я выйду отсюда. Свобода! Как это сильно звучит. Теперь я буду ценить свободу!

Я как-то затуманился, если можно так выразиться. Сильно тоскую по моему краю, где прошли мои детские годы. Просто с болью вспоминается каждый куточек, где я жил. Не могу сказать, как мне хочется на родину: выйти в степь, где сейчас спеют хлеба, послушать соловья в нашем садочке, пройти по знакомым тропинкам, где бегал босым мальчонкой. С другой стороны подумаешь: кто и что меня ждет? Только родные.

Я прекрасно понимаю, что надо работать хорошо, участвовать в общественной жизни, дружить с людьми, уважать их. Но чего-то тут не хватает. Как вам объяснить — не знаю. Наверное, просто мне стыдно перед людьми. Уехал из дому шестнадцати лет, а сейчас мне двадцать три, а чего я достиг? Нет, не смогу я жить дома, я это чувствую. Кажется, не смогу жить и в другом месте:

чем ближе подходит освобождение, тем сильнее меня тянет в родной край.

Как-то неправильно я написал, не поймете меня, на словах объяснил бы лучше.

Я очень рад, что со здоровьем у Вас лучше. Валентина Ионовна, когда Вам тяжело, то знайте, что мне хочется, чтобы Вам было легко.

С приветом Анатолий К.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

29 октября 1963 года.

Здравствуйте, Валентина Ионовна!

Наконец я на свободе. Теперь я могу смеяться и свободно дышать!

Как все изменилось! Как вырос Таганрог. Только я как чужой. В городе меня встретили хорошо, но смотрели как на больного. На работу оформили и дали отпуск. Сейчас я нахожусь в гостях у папы и мамы. Как они меня встретили! Чего только не наготовили! Какой я все-таки плохой. Нет, к прошлому возврата не будет. Хотя мне иногда и очень тяжело. Пошел я на танцы, познакомился с девушкой, а ей сейчас же сказали, что я из тюрьмы, и она сразу отвернулась.

Ладно — время сотрет все. Я надеюсь на лучшее, на то, что Ваши слова сбудутся. К первому декабря буду на работе.

С приветом Анатолий К.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

16 ноября 1963 года.

Дорогая Валентина Ионовна!

Я не хочу, чтобы Вы были в больнице! Такие люди, как Вы, не должны болеть. Я верю, что Вы будете здоровы.

Вы верите в меня, верите, что я построю свою жизнь хорошо — спасибо Вам за все! Я сделаю все возможное, а плохого больше не будет. Я и маме с папой дал клятву.

Я уже писал Вам, что был в Таганроге, оформился на работу. В техникуме сказали, что примут без экзаменов на первый курс. Это для меня очень хорошо. Сейчас я дома, помогаю по хозяйству. Отпуск мой кончается, с первого декабря — на работу.

Вы даже не представляете, как я встречал праздники, как мне было хорошо в кругу своих родных. Мне просто чудно, что могу делать что хочу, идти куда хочу.

Правда, иной раз я еще чувствую себя чужим среди людей. Мне кажется, что на меня смотрят осуждающе, и мне очень тяжело и неудобно. А ведь есть люди грешнее, чем я, и те могут называть меня бандитом. Все это пройдет, я думаю.

Дорогая Валентина Ионовна, мне так хочется увидеть Вас, поговорить с Вами, поделиться всем. Весной я обязательно приеду к Вам. А Вы будете здоровой и веселой. Я никогда не видел Вас, а знаю, какая Вы.

Желаю Вам здоровья. Примите привет от моих родителей. Я им все время рассказываю о нашем знакомстве и о Вас.

С искренним приветом и массой хороших пожеланий.

Толя К.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

22 декабря 1963 года.

Здравствуйте, Валентина Ионовна!

Вот и начались мои первые шаги в новую жизнь, но очень они тяжелые.

Из дома я вернулся в свою организацию, где работал, до ареста, но работать там не стал. Работы электросварщика мне не дали, а послали разнорабочим. Я не испугался работы, но ведь обидно, и заработок маленький. Тут все и началось: из прокуратуры посылают в исполком, из исполкома направляют к прокурору. Наконец, послали на строительство. Но ведь там зима — заработки малы. А мне сейчас деньги нужны, как никогда: самому одеться надо и родным послать. Начал устраиваться сам. Приняли меня на завод «Красный котельщик» электросварщиком.

Началось мое испытание. Я сильно отстал: сварочные аппараты новые, электроды новые. Мастер говорит: «У учеников лучше получается, чем у тебя». Но я не сдался — за три дня добился, что начал работать, хотя обошлось мне это тяжело: с завода не уходил, спал в кладовой, где сушатся электроды.

Добился, что стал варить слабовато, но не хуже многих. Но на операции меня не ставили. Оказывается, надо поставить мастеру магарыч, такой оказался человек. А где мне взять сейчас?

Конечно, все сразу узнали, что я сидел. Некоторые смотрят как на больного, а другие — с недоверием. Когда получали спецовку, рабочий впереди меня получил новую, который позади — тоже, а мне суют старую. Я начал спорить, а кладовщик говорит: «Ты из тюрьмы — долго работать не будешь — все равно кого-нибудь ограбишь или побьешь».

Когда пришел в общежитие, встретили хорошо, но комендант сказал, что я из тюрьмы, и все стали деньги и документы перед сном прятать под подушки.

Просто не могу Вам всего написать. Хочется собрать всех людей и крикнуть им: «Люди!.. Я хочу быть человеком! Только настоящим человеком. Не хочу толстое пузо таскать, не хочу собственного дома, машины. Я хочу работать и жить, как все».

Они все веселые, радостные, им нравится жизнь, и кому дело до какого-то Анатолия.

Перед освобождением со мной много говорил замполит. Он уверял, что, выйдя на свободу, я буду жить новой хорошей жизнью. А где он, этот рай? Но почему люди смотрят на меня холодными глазами и кривят рты? Почему они сотню раз переспрашивают, исправляюсь ли я или нет? Почему они не хотят верить мне?

Дорогая Валентина Ионовна, я знаю, Вы скажете — надо бороться за доверие людей, надо его завоевать, но что-то я не пойму ничего, какой-то туман в голове.

У украинцев есть пословица: «Сам себе, братику, вины, що посияв, той пожны». Мне больше ничего делать не остается. Вот какие у меня дела.

Простите меня за мрачное письмо. Я знаю, что и Вам не легко, но мне некому рассказать, не с кем поделиться, а душа болит. Пошел на днях к той девушке, с которой мы зарегистрироваться хотели — все документы у нее остались — на пороге

меня встретили ее отец еще с каким-то человеком и прогнали меня, как нищего, даже говорить не захотели.

Напишите мне, как Вы встретили Новый год. Ведь Вы обещали к Новому году быть здоровой. Желаю Вам здоровья и здоровья, чтобы ни одного раза не болеть в новом году.

С приветом Анатолий К.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

4 января 1964 года.

Дорогая Валентина Ионовна, здравствуйте!

Вы понимаете, оказывается, меня еще не все считают опасным: получил одиннадцать поздравительных открыток и пять телеграмм.

Теперь веселее и мне. На заводе досылают на курсы повышать квалификацию сварщика. Так что все начинает проясняться. Дали авансом денег, а двенадцатого получу получку. Правда, она будет маленькая, но мной заработанная.

Дорогая Валентина Ионовна, писать никому обо мне не пишите — я обижусь. Это будет не то, если за меня кто-то будет ходатайствовать. Я сам буду пробиваться.

Вы представляете, пошел на новогодний вечер в Дом культуры, а надо мной все смеются, девчонки танцевать со мной не идут. И вы думаете, почему? У меня брюки широкие — на двадцать девять. А один фраер обнаглел до того, что стал смеяться и позорить при всех. Мне пришлось собрать все силы, чтобы удержаться и не врезаться ему.

Вот еще эти моды! Придется зауживать брюки и обрезать пальто. А почему я обязан подстраиваться под других? Почему люди так жестоки друг к другу?

Вот такие мои дела. И хорошее есть и плохого хватает.

Желаю Вам крепкого здоровья. Вы не должны болеть!

С искренним приветом Анатолий К.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

27 февраля 1964 года.

Здравствуйте, дорогая Валентина

Ионовна!

Все хорошо, нету больше в моей жизни плохого, а если и есть немного — его не заметно. На работе замечательно. Правда, иногда приходится краснеть за свою сварку. Все же скоро буду сдавать на допуск к высокому давлению.

Сейчас читаю с увлечением рассказы Куприна. В воскресенье иду смотреть «Чудесный день». Мало у меня времени на отдых — почти каждый день работаю сверх смены, потом занятия в техникуме.

А все-таки жизнь хороша!

Желаю крепкого здоровья и долгих лет счастливой жизни.

Анатолий К.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

15 мая 1964 года.

Дорогая Валентина Ионовна!

Приехал из командировки, получил печальное письмо о Вашей болезни. Расстроило оно меня сильно.

Я сдал экзамены в техникуме, и меня послали в командировку в Кривой Рог. Заезжал домой — там близко. Очень хорошо меня встретили, даже не хотелось уезжать.

Милая, дорогая Валентина Ионовна, Ваши слова начинают сбываться. Спасибо Вам! На работе все отлично. Меня избрали делегатом на профсоюзную конференцию. К новому году администрация будет ходатайствовать перед судом о снятии с меня судимости. Я буду полноправным человеком. Опять вступлю в члены КПСС. И обязательно буду много учиться.

Как жаль, что не смог на Первое мая приехать и поздравить Вас лично. Валентина Ионовна, мужайтесь! Вам болеть нельзя, не надо — Вы людям нужны! Вы должны писать и писать. Из тысячи камней — один кристалл, так и Вы — из тысячи людей — один писатель.

Желаю Вам быстро поправиться и верю, что Вы выздоровеете обязательно.

С сердечным приветом Анатолий К.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

13 июля 1964 года.

Здравствуйтесь, дорогая Валентина Ионовна!

Как-то получается: все идет хорошо, а потом один миг — и все изменится. Как на сумасшедшего находят такие плохие моменты: ко всему равнодушен и ходишь как болван.

Вот уже скоро год на воле, а я еще ничего хорошего не сделал. Недавно варил образец, и он не прошел испытания. Мы каждый месяц варим образцы. Их испытывают на разрыв и на излом. Этот раз нас много варило образцы, и только мой лопнул по корню сварочного шва. Нехорошо как мне было! Если бы я не мог сварить — другое дело, а то посчитал себя большим мастером и набрал большую силу тока: захотелось побыстрее, захотелось перед другими выхвалиться.

Собрался даже после этого перейти в другой цех, но меня изругали и никуда не пустили. А настроение плохое.

Читаю Вашу новую книгу. Большое Вам спасибо и не только от меня, а от всех наших ребят, от моих товарищей. Все хорошо, душевно написано, особенно рассказ «Снова цветут каштаны». Сейчас читаю книги разные, без разбора. Особенно мне нравятся книги о революции и об Отечественной войне.

Дорогая, милая Валентина Ионовна, не болейте! Я верю, что Вы выздоровеете и напишите еще много хороших книг.

С сердечным приветом Анатолий К.

На этом переписка читателя Анатолия Ко-хана с писателем В. И. Туренской оборвалась...

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА АНАТОЛИЯ КОХАНА

15 августа 1964 года.

...Не могу поверить, что нет нашей Валентины Ионовны. Для меня она не умерла. Я навсегда запомнил ее теплые материнские слова, которыми она поддержала меня в самое трудное время моей жизни.

Вот сейчас я учусь в строительном техникуме, хорошо работаю, помогаю старикам родителям — все это сделала

Валентина Ионовна. Своим участием, своим теплым словом она дала мне путевку в жизнь, в правильную жизнь.

Разве я смогу забыть этого дорогого мне человека!

Бывает мне тяжело, и я думаю: что бы посоветовала Валентина Ионовна?— и всегда нахожу выход.

Как жаль, что не увидел ее...

Письма Анатолия Кохана подготовил к публикации П. Мелибеев.